Наталья Кошаева

16+

Самый красивый мужчина нашего кинематографа, Адель и Я

Наталья Кошаева

Самый красивый мужчина нашего кинематографа, Адель и я

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67967063
SelfPub; 2022

Аннотация

Лето, жара, тихое озеро и деревня, затерявшаяся среди лесов – замечательное место для отпуска. Только Прасковья так не считает, потому что для нее этот отпуск стал испытанием на прочность. И именно здесь судьба столкнет ее с мужчиной, которого она сама всегда считала самым красивым в нашем кинематографе.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	22
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	43
Глава 7	54
Глава 8	60
Глава 9	67
Глава 10	71

Наталья Кошаева Самый красивый мужчина нашего кинематографа, Адель и я

Глава 1

Моя тетя Сима проживает в деревне Тетеревни, которая прячется на самом краю большого болта. В этих болотах, на ряду со множеством других пичуг, обитают самые жирные тетерева страны, занесенные, между прочим, в красную книгу.

В чью-то светлую голову однажды пришла мысль создать здесь заповедник. И теперь эти болота в богом забытом месте, леса кругом с извилистой речкой Тетеркой, гордо именовались – биосферный заповедник «Пороги». Почему заповедник так назвали не знали даже местные жители, потому как никаких порогов в этих краях отродясь не было. Ну а деревня получила название от речки, протекавшей неподалеку.

Проживала тетка одна, поскольку рядом с ней никто долго не задерживался. От нее сбежали все ее трое бывших му-

жей и дети, когда подросли. Долгое время она наслаждалась покоем и тишиной, живя только хозяйственными заботами. Но в один прекрасный день тете Симе надоела ее холостая жизнь и она нашла себе очередную жертву на роль четвертого мужа. Им стал местный деревенский фельдшер, недавно назначенный в новенький фельдшерско-акушерский пункт. Когда лысоватый дядька понял до чего доведут частые болячки, с которыми зачастила к нему в медпункт местная Мессалина, было уже поздно. Он уже тащил ее огромный чемодан в автобус, потому как они вместе уезжали на курорт в санаторий. А тетя Сима, она же Максимилиана Степановна Лузгачева, она же Симка Лузгочихина, обмахиваясь белой панамкой, шла за ним и давала мне последние указания о том, как ухаживать за ее многочисленной скотиной. Была она женщиной корпулентной, с раскатистым низким голосом и непробиваемой уверенностью в своей правоте. Даже в том, что мне пойдет на пользу тридцатидневное проживание в ее хате с обременением в виде коровы, десятка овец, подразделения кур, под командованием красного петуха и, спасибо проведение, одной свиньи. Двух кошек и собаку я даже не считаю, с ними я нашла общий язык сразу.

Если посмотреть мое генеалогическое древо, то вы увидите, что начиная с моей прапрабабки, древо разветвляется на две равноценные ветви. У прапрабабки было два сына: Один из которых в нелегкие предвоенные годы отправился учиться в город, а другой так и остался в деревне.

И теперь на одной ветви древа гнездились многочисленные прапрабабкины потомки, живущие в городах: среди этих были врачи, учителя, профессоры, один музыкант и веселая многочисленная инженерная братия – короче сплошь интеллигенция. А другую ветвь занимали, потомки второго прапрабабкина сына, которые не променяли чистый воздух и малахит травы на бетонные коробки и асфальтовые поля – простые работяги, живущие от посевной до посевной, от сенокоса до сенокоса, от уборочной до уборочной.

Несмотря на это мои многочисленные тетки, дядья, двоюро-троюродныедные сестры с братьями, а также племянники продолжали активно общаться между собой, не зависимо от того за какую из ветвей им удалось зацепиться.

Я относилась к той ветви, которая обосновалась в большом городе, но это не спасло меня от того, что тетушка Сима именно мне прислала телеграмму: «Уезжаю санаторий тчк. Бери отпуск месяц тчк. Жду 5-ого тчк.» Я ей вежливо в той же телеграфной манере ответила, что: «Сожалею возможности тчк. Проси Николая тчк.» Николай – ее старшенький сынок, сбежавший от маменьки в край гейзеров и амурских тигров, получивший по госпрограмме большой шмат земли, и, не изменяя своему призванию, что-то там выращивающий. В ответ я получила следующую телеграмму: «Николай занят посевной тчк. Жду тчк.» На это я решила вообще не отвечать, просто проигнорировала. Но тетя тогда громогласно объявила всей нашей родне от Тихого до Атлантиче-

ского океанов, причем в одну и в другую сторону, что я такая рассякая отказалась помочь несчастной женщине устроить свою судьбу. После ее обращения я начала получать звонки, письма, открытки, телеграммы и видеозвонки от возмущенных родственников со всех концов света. И это могло длиться до тех пор, пока не кончатся все родственники. Тетя Сима в таком случае действовала методично, она обзванивала то одних, то других родственников и рассказывала им о том, какая я негодница.

А еще в последнее время тетя Сима освоила Instagram, fb, социальные сети и прочие мессенджеры, в которых она начала активно выкладывать гневные посты. В результате чего я стала получать кучу негативных комментариев в свой адрес еще и от совсем незнакомых теткиных подписчиков. В результате этой массированной атаки я объявила капитуляцию и стала собираться в Тетеревни.

Тете было совершенно наплевать на то, что я должна была срочно оформлять отпуск, подыскивать себе замену, на время моего отсутствия. Договариваться с пациентами, которые были уже записаны ко мне на прием, перезаписывать их на другое время или к другим коллегам. Потому что ухаживать за скотиной тети Симы должен был именно дипломированный врач-стоматолог. Никого менее занятого чем я на ветвях нашего генеалогического древа не нашлось.

Я только-только поменяла место работы. Два брата, мои однокурсники – организовали совместно с зарубежными

партнерами совершенно новую клинику. Они меня долго уговаривали перейти к ним, и вот когда я наконец подписала контракт, на меня обрушился ураган «Тетя Сима». Пришлось выклянчивать у нового начальства внеочередной отпуск. Руководство поморщилось, но пошло мне навстречу, потому что было заинтересовано во мне как в специалисте. И вот вместо того, чтобы проводить этот нечаянный отпуск на берегу лазурного моря в плетеном шезлонге, попивая экзотический коктейль, через тонкую трубочку, я оказалась в Тетеревнях один на один со всеми обитателями теткиного хозяйства.

Сказать, что меня это все пугало – ничего не сказать. Мое внутреннее состояние было близко к банальной панике. Для меня, выросшей в городе, и видевшей гуся только на блюде с яблоками вокруг, было неприятным открытием, что эти гуси умеют кусаться не хуже собаки. А уж если накинутся всей стаей…

Но гуси, на ровне с курами и прочими пернатыми были самой меньшей неприятностью из имевшихся. Я бы их поставила на самое нижнюю строчку деревенского хит-парада.

Тройку лидеров замыкала свинья. Огромная белая с висячими ушками, закрывающими маленькие глазки, и бодрым пяточком. Звалась она Миледи. В принципе она доставляла совсем немного хлопот, так как спокойно проживала в своей отдельной «квартирке» и не покидала ее. Я должна была только кормить ее в соответствии с расписанием, готовя по

три ведра «хряпы» в день. Если очередная «хряпа» задерживалась, то весь двор оглашался тоскливыми Миледиными взвизгами. Когда же свинка была довольна, то все слышали только тихие утробные похрюкивания.

На втором месте хит-парада прочно обосновалась овечья банда, в количестве десяти персон. Надо сказать, что сама тетушка, обладавшая столь экзотическим именем – Максимилиана, и свою живность называла соответственно. Большой черный баран с широким лбом и витыми рогами именовался Портосом, а пятеро молодых овечек носили имена сестер Беннет: Лиззи, Джейн, Лидия, Энн и эта… пятая. Эту стайку беспардонных наглых ярок я опасалась особенно, они так и норовили оттоптать ноги и укусить за пальцы, когда отламываешь им по кусочку булки. За булку они готовы были отдать все, даже собственную шубу. Две пожилые овцы с седыми боками, наоборот вели себя исключительно благородно, вперед не лезли, ног не отдавливали. Одна из них, черная, всегда смотрела на меня с некоторой настороженностью и топала тонкой стройной ножкой, когда ей что-то не нравилось. Имени этой овцы я не запомнила, поэтому звала Анжеликой, уж больно она напоминала своим выражением «лица» нашу администраторшу, с работы. И голос был похож и даже взгляд – отсутствующе-безразличный. Большой грязно-белый баран с выдающимися достоинствами, и скромными рогами, был прозван мною мистер Дарси, чтобы создавать комплект с сестричками Беннет.

На самой высшей строчке парада царила корова. Этот дредноут, линкор скотного двора. Белоснежная огромная коровища с ярко рыжими пятнами на голове и левом боку. Ее огромные фиалковые глаза опушали густые длинные белые ресницы. Крутенькие рожки изящно вились около лба с кудрявой челкой. С виду – образец ангельской кротости, а внутри сущая чертовка с вреднючим характером. Если с остальными животными я еще кое-как справлялась, то эту я откровенно боялась. Начать с того, что «ангельское создание», носящее к тому же кличку Адель, невзлюбило меня с самого первого взгляда.

Уезжая на курорт, тетя Сима быстренько ввела меня в курс дел, скороговоркой рассказывая, что и как делать, режим дня, рацион, привычки того или иного жителя двора. Про корову же она просто сказала, что Аделька смирная, послушная и у меня с нею не будет никаких трудностей.

Ага, как же! Вот представьте, тетя уехала, я вечером осталась одна в пустом доме с кучей инструкций, сижу жду, когда придет стадо с вечернего выпаса. Волнуюсь, как артист перед премьерой. Приготовила, как тетка учила, две краюшки хлеба одну для англо-французкой банды, другую Аделькe.

Овцы приняли меня как родную, они даже не заметили подставы – отдавили ноги и обслюнявили пальцы. А вот Адель долго вынюхивала мою руку с протянутой горбушкой, сканировала меня взглядом с ног до головы и обратно, никак не понимая, что же изменилось в хозяйке. И решила-та-

ки не брать из моих поганых рук хлеб. Гордо отвернулась и с грацией королевской особы прошествовала в хлев, где для нее в специальной корзине уже было приготовлено угощение в виде сочной свежей травы. Я последовала за нею, так как тетка велела одевать корове специальный ошейник, чтобы она не бродила по всему хлеву. Ошейник представлял собой стальную цепь из толстых витых звеньев. Для того чтобы застегнуть ее на Аделькe нужно было всего лишь обнять ее за широченную шею обоими руками. Я просто-то к ней подойти боялась, а еще и обнимать… Тем более что корова так увлеченно хрустела травой, что я просто не решалась ее отрывать. А когда она сама подняла голову и уничижительно посмотрела на меня – я точно поняла, что привязывать ее не буду.

– Ты же будешь себя хорошо вести? – робко поинтересовалась я.

В ответ она хмыкнула. Реально хмыкнула! Потом, правда одумалась и сказала, – Мфффф!

Я решила, что мы договорились и ушла, заперев за собой дверь.

Овцы сами зашли в свое помещение ведомые опытной Анжеликой. Молодец! Завтра ей персонально выдам кусок булки побольше.

А меня ждало следующее испытание – дойка. Я долго настраивалась, уговаривала себя. Вела с собой внутренний диалог. – Чего бояться! Ведь все деревенские бабы доят

этих… животных каждый день по три раза. Я тоже смогу! Ты сможешь! Сможешь, я сказала! Соберись, тряпка!

Откладывать дальше было нельзя и, мысленно надавав себе по щекам, я все-таки взяла в руки специальное ведро для дойки – подойник и пошла с решительностью дрессировщика, когда он идет в клетку с тирами. Цирковой марш Дунаевского, который я напевала под нос, придавал мне решительности, пока шла к хлеву.

Но оркестр, игравший у меня в голове, как-то нестройно всхлипнул и затих, потому что Адель меня явно не ждала, она вольготно разлеглась посреди помещения. Когда я зашла она в мою сторону даже не оглянулась.

– Аделька, Аделюшка, вставай! Доиться будем! – заискивающе проворковала я. Пусть слышит мой ласковый голос и поймет, что я пришла с миром.

Адель отвернулась от меня и уставилась в стену, подняться даже не подумала, только выразительно махнула ушами, отмахиваясь от меня как от назойливой мухи.

– Ну давай! Подымайся! – я робко притронулась к ее теплому боку. По ее коже прошла рябь, можно было подумать, что мои прикосновения ей неприятны. Но я все равно легонько пошлепала ладошкой по боку.

– Девочка моя, ну давай, нам же подоиться надо! А то лактостаз будет. Тебе нужен лактостаз? Не нужен. – Адель никак не реагировала на мои увещевания.

– Так, мамаша, подъем, живо на процедуры! – включила я

свой строгий докторский голос. Он возымел действие, корова, наконец, меня заметила и взглянула на меня, удивленно приподняв бровь, если она у нее есть. На морде было написано, – Женщина, ты кто вообще?

Полюбовавшись на меня несколько мгновений, она снова дернула ушами и отвернулась, уставившись в стену.

Я поняла, что мне срочно нужна консультация специалиста, и я направилась к соседке, которую моя тетка звала Козырихой.

Ее, Козыриху, я нашла тоже в хлеву, она бойко доила свою Буренку.

– Э… Добрый вечер! – слегка замялась я, ну не обращаться же к женщине, которую первый раз в жизни видишь, по прозвищу. – Я ваша соседка, племянница тети Симы. Она сказала, что к вам можно обращаться в трудных ситуациях…

– А! Прасковья! Заходи, дочка! – ответила мне Козыриха.

Забавно, да? Мои сугубо городские родители назвали меня Прасковьей. Когда я родилась в моде были старинные имена: Пелагеи, Феклы, разные Силантии… вот и мне «повезло». Нет я не против такого имени, тем более что уже почти за тридцать лет и привыкла. Но все равно я никак не могу понять. Почему у нас в городе популярны имена «деревенские», а в деревне – наоборот? Вот тетя моя звалась Максимилианой, это дед двоюродный начудил. Вычитал, наверное, в отрывном календаре.

И вот я – Прасковья Альбертовна Фогель (по бывшему

мужу, от которого у меня только фамилия и осталась) пришла выспрашивать совета у соседки Козырихи о том, как доить корову. А что, звучит вполне!

– Идем, дочуш! – Козыриха закончила свою дойку, поставила подойник с пенным молоком в коридоре. Не забыла прикрыть его крышкой, – Чтобы кошки не влезли, – прокомментировала она.

Адель не ждала меня с подкреплением в виде Козырихи и встретила нас таким же ленивым, безразличным взглядом.

– Аделька! Мать твою! Чего лежишь? Вставай хлевник тебя побери! – с порога запустила в нее Козыриха.

Уши коровы беспокойно дернулись, но она продолжала все равно лежать.

– А ну! – Козыриха хлестко шлепнула ее по боку.

Корова поняла, что шутки кончились и нехотя начала подыматься. Потом Козыриха ловко присела на низенькую скамеечку, зажимая коленками подойник. Скоро тонкие струйки молока звонко ударили по жестяному дну ведра. Женщина попутно успевала все объяснять.

Корова при этом стояла ровненько, слегка отставив ножку, чтобы было удобнее добираться до вымени.

– А можно я попробую? – попросила я.

– Садись, дочуш! – Козыриха живо поднялась, давая мне место.

Я уселась, и попыталась повторить все то, что показала мне добрая женщина. От напряжения у меня тут же пристала

футболка к спине, а на лбу выступили капельки пота. Как я ни старалась, но таких бодрых молочных струек мне извлечь никак не удавалось.

– Что ж Симка, тебе не показывала, как корову-то доить? – спросила Козыриха наблюдая за моими мучениями.

Я отрицательно мотнула головой.

– От Лузгачиха! От зараза! Вертихвостка! На курорт ей приспичило! А девке тут мучайся!

Ох, как я была согласна с госпожой Козырихой! Кто бы знал!

– Так я только сегодня утром приехала, не успела она… – попыталась я спасти теткино доброе имя.

– Что ж раньше не приехала? – поинтересовалась соседка.

– Так работа у меня, и так еле-еле отпустили.

– А кем работаешь-то?

– Стоматолог я, зубной врач.

Козыриха надолго замолчала осмысливая, и потом выдала, – Ну значит должна знать как корову доить!

Вот интересно, почему она так решила, что все стоматологи должны уметь доить корову? А главврач вообще должен быть в этом деле ассом? Я представила нашего главврача на корточках под коровьим пузом и захотелось не то смеяться, не то плакать.

Худо-бедно, долго ли коротко ли, а молоко в корове наконец закончилось. У меня было ощущение, что не я не коровку подоила, а наоборот она меня. С непривычки болели

и руки, и спина, и ноги.

– Ну вот! Добре! – похвалила соседка. – Ты с ней по строже.

Я вспомнила какими эпитетами награждала в процессе дойки корову Козыриха и покраснела. Эта лексика была мне совершенно несвойственна.

– У меня так не получится… – промямлила я.

– Получится! – безапелляционно заявила соседка. – А в случае чего киек в руку возьми.

– Киек это что? – не поняла я.

– Да вот, – соседка указала рукой на суковатую палку, стоящую в углу хлева.

Я с сомнением посмотрела на эту палку, и подумала, что в моей руке даже этот киек вряд ли станет весомым аргументом, подтверждающим мои слова. С тоской посчитала сколько дней до дембеля…. Оставалось всего ничего еще тридцать дней…

Из дома напротив, где скрылась тетя Маня, таким оказалось «гражданское» имя соседки, раздался грохот крики и ругань. Тетя Маня не скупилась на сочные лексические структуры – видимо кошки все-таки влезли в молоко.

Глава 2

Через неделю наступила «акклиматизация». Я постепенно втянулась в ритм жизни, заданный необходимостью обслуживать всех обитателей теткиной фермы. Меня уже не коробили подъемы в пять утра на первую дойку. Даже стали появляться свободные минуты, когда я могла сходить искупаться на озеро, за теткиным огородом как раз была оборудована пристань, где покачивалось на волнах множество лодок. Там же был и небольшой песчаный пляжок, на который я стала периодически наведываться.

Одно только отравляло все мое существование – это Аделька. Это существо никак не шло на контакт, а ведь ее приходилось доить по три раза на дню, и каждая дойка это было сражение. Я просто не знала, что выкинет эта мерзавка на следующий раз. Она молотила хвостом мне по лицу каждый раз, когда я пристраивалась около нее. Никогда не стояла на месте, все время перемещалась по хлеву, и мне приходилось перемещаться с ведром и скамейкой за ней. Постоянно опрокидывала ведро. Оно, ведро, стало овальным от того, что Адель им вечно играла в футбол. А один раз даже встала ногой в подойник с молоком.

Я пыталась по методу тети Мани приструнить ее словами, но в моем исполнении эти слова возымели противоположное действие. Адель пригнула голову к земле и выставив рога по-

шла на меня. Пугала меня так. Я не думаю, что она хотела со мной расправиться. Уж больно у нее при этом глаза ее были шкодные. Она просто демонстрировала свои возможности, проверяла таким образом меня на стрессоустойчивость. Но испугать испугала, чего и добивалась.

Но и к ней я все-таки подобрала ключик. Я додумалась всегда брать с собой три яблока. От этого угощения она никогда не отказывалась. Пока корова их жевала стояла смирно. А потом стала надевать, перед тем как идти доить корову, тетин Симин замызганный халат, платок и даже очки.

Когда я первый раз появилась в новом облачении на пороге хлева, до этого вольготно развалившаяся на полу, корова вскочила и начала ноздрями шумно втягивать воздух. Оказалось, было достаточно, только накинуть халатик тети Симы, чтобы это вредное животное стало послушным. Вот что значит настоящий авторитет! Эта пройдоха даже ножку отставляла, чтобы мне было удобно, чего никогда раньше не делала, когда я подходила к ней в своем собственном обличии.

Я познакомилась с дочерью тети Мани – Нинкой или Козыревной, как ее звали в деревне. Хорошая девушка, года на три меня моложе, уже давно замужняя, но пока без детей. Она жила на другом конце деревни и чуть ли не ежедневно забегала к матери. Мы даже стали подружками. Теперь мы вдвоем наведывались на «пляжок», когда выдавалась свободная минутка. Я как-то спросила ее, почему у них

с матерью таки прозвища? Крзыриха, да Козыревна?

– Так батьку моего Козырем прозвали. Вот и получилось, что мамка Козыриха, я Козыревна, а брательник мой, младший…

– Неужели Козырь младший? – спросила я.

– Не, не угадала – улыбнулась Нинка, – Козыренок!

С Козыренком, которого звали по-настоящему Виталькой, я тоже познакомилась. Он приехал из города, где учился в институте, на какой-то инженерной специальности, погостить у матери.

Он мне напоминал Иванушку из сказки. Высокий блондинистый парень со слегка вьющимися волосами, россыпью веснушек на щеках и с удивительно длинными белыми ресницами, ну прям как у моей Адель. Добавьте сюда еще улыбку и голубые глаза.

Я копошилась во дворе, когда он проходил мимо.

– Здорово, теть Сим! – бросил он мне.

Я обернулась и увидела молодого симпатичного парня.

– Вот это сюрприз! – улыбнулся он. – Вы не тетя Сима!

– Определенно нет. – констатировала я, – Ее племянница.

После этого он стал мне встречаться на каждом шагу. То я на него натолкнусь у колодца, и он мне поможет дотащить тяжелые ведра. То мы с ним вместе случайно оказываемся в магазине, и он развлекает меня разговорами, пока мы возвращаемся к дому. То я замечаю, как он косит отросшую траву под окошками моего домика, и я любуюсь на его строй-

ный торс, потому что он без рубашки.

Если бы я не была зациклена на домашнем хозяйстве, я бы подумала, что парень за мной таким образом ухаживает.

Даже Козыревна, мне по секрету, хихикая, рассказала, что Виталька только обо мне и говорит и на других деревенских девок не смотрит.

Я только отмахнулась, ерунда это все! Он, конечно, парень очень симпатичный, но не более того.

Однажды мы с Козыревной сидели вечером на мостках. Мы повадились с нею купаться после вечерней дойки, как раз самая теплая вода. Вот сидим мы с нею, тихо, вода как зеркало. Кузнечики стрекочут. И тут вдруг с другого берега свист.

– Эй! Девчонки! Плывите к нам! – на том береге стайка парней, ростом с мизинец, свистят и нам машут тонкими ручонками.

– Кто это? – спросила я Нинку.

– А! Это экспедиция. – объяснила Козыревна.

Я вопросительно на нее посмотрела.

– Ты разве не знаешь, что там, за озером этот… как его… Биосферный заповедник «Пороги». Там часто экспедиции бывают. Вот и теперь то ли кино снимают, то ли еще что…

– Да ну? – удивилась я, – Прям кино?

– А что ты удивляешься, кино про викингов смотрела? Вот почитай все у нас снимали. – с гордостью ответила Нинка.

Я же недоверчиво смотрела на мужчин, на том берегу, которые развели на берегу костер.

– Девчонки, ну плывете? Нет? У нас уха! – донеслось с того берега.

– Пойдем, – сказала Нинка, вставая, – не дадут теперь посидеть спокойно.

Глава 3

Вот так мы и жили, до тех пор как в один прекрасный день, в среду кажется, я в обед пошла доить свою Адель, и услышала, как кто-то колотит палкой по моему забору.

– Хозяева! Есть кто дома?

Выглянула из хлева. У забора стоял мужчина, солнце светило ему в спину и поэтому я только его контур видела. Чтобы лучше рассмотреть приложила руку козырьком ко лбу. Но лучше не стало, потому что на носу были очки тети Симы. Я же корову дою, без очков она меня к себе не подпускает. А в очках этих я и при хорошем освещении ни черта не вижу. Сделала вывод только один – он не наш, не деревенский, какой-то чужой мужчина. Наши стильные очки-авиаторы не носят и шорты тоже.

– О! Хозяйка! – обрадовался мужчина, увидав меня. – Воды не дадите?

Я велела обождать и вернулась к дойке, надеясь, что пока я дою, а дою я долго, мужчина самостоятельно испарится.

Когда с дойкой было покончено, и я выкатилась из хлева с тяжелым подойником в руках, он все еще стоял на том же самом месте. – Упертый.

– Ну так что, хозяюшка, дашь напиться усталому путнику? – хмыкнул он.

– Сейчас вынесу, путник. – ответила я, скрываясь в сенях.

Там закрыла крышкой подойник и кирпичину сверху. Уже знаю, что кошки запросто крышку снимают, когда хотят молока. Затем зашла в дом, вылила в кружку остатки воды, и подхватив пустые ведра, вышла к «усталому путнику».

Он с жадностью выпил всю воду и попросил еще. Я ему молча показала на пустую тару, – Нет воды, нужно в колодец идти.

Он вызвался помогать. А у меня уже есть официальный помощник – Козыренок, ну так значит еще один будет. Что мне оставалось делать, пожала плечами и пошла к колодцу.

– Страшная вы женщина, – заявил этот тип, когда мы с ним шли по тропинке, заросшей мягкой низенькой травкой.

– Это почему же? – удивилась я, вроде веду себя хорошо, а что в теткином халате да в очках, так то камуфляж для Адельки.

– Ну как же! – начал он мне объяснять, – Баба и с пустыми ведрами!

– Сами вы баба! – разозлилась я. – Я и одна в состоянии за водой сходить.

– Да ладно, не сердись! Вспыхиваешь как порох, а сейчас сухо, сожжешь тут все! – сострил незнакомец.

– Тебя как, кстати, зовут? – спросил он переходя на ты.

– Прасковья, а тебя?

Оказалось, что его зовут Григорием. Я, пока мы шли, исподтишка разглядывала своего сопровождающего. Он мне кого-то смутно напоминал, только я никак не могла понять

кого. Видный мужчина, брюнет, загар ему очень идет, руки красивые. И ноги тоже очень даже! Может кто из пациентов? Я, правда, пациентов больше по зубам помню. Заглянуть бы ему в рот, так сразу бы сказала – знаком он мне или нет. Зубы у него, кстати были ровные, неестественно белые, виниры скорее всего или люминиры – в нашей клинике такие зубы сделать было весьма и весьма недешево. Пока я с профессиональным интересом рассматривала его улыбку, он рассказал, что как раз из той самой экспедиции, что за озером.

– А к нам зачем? – спросила я его.

Он замялся, видимо придумывал на ходу что сказать. Затем нахмурился и сняв очки посмотрел вдаль. – Я в магазин хотел зайти, а он у вас работает через пень-колоду, и мужик тот, что меня через озеро перевез, делся куда-то. А твой дом первый от пристани…

– Да ладно, Григорий, уж признайся, что похмелиться нужно, – я остановилась у колодца, а мой сопровождающий, не замечая этого пошлепал вперед, задумавшись о своем.

Только когда я начала открывать скрипучую дверцу, он обернулся.

– А! Уже пришли? – Он отобрал у меня ведро, которое я уже успела насадить на крюк и двумя руками начал накручивать ворот, приговаривая. – Все-то вы про нас – мужиков знаете – когда нам похмелиться, когда напиться… Нет, уважаемая Прасковья… У меня другая пагубная привычка – курю я… Ты, кстати, не куришь? Хотя что я спрашиваю, по

тебе сразу видно, что не куришь.

Он вытащил ведро из колодца перелил воду в пустое. И снова начал вращать ворот.

– Интересно, это почему же видно? – уперла я руки в боки, – Может я смолю как паровоз? А тебе, кстати, твой стоматолог разве не советовал отказаться от курения, а то придется снова зубы переделывать? Пожелтеют знаешь ли…

Григорий удивленно посмотрел на меня, доставая из колодца второе полное ведро, а я прикусила язык. Вечно я лезу куда не следует, поэтому уже было хотела подхватить ведра, но мужчина меня остановил. Отобрал у меня ведра. Бурча под нос, что-то типа, не пристало дамам тягать тяжелые ведра, когда рядом есть джентльмен.

Он занес ведра в мои сени, попрощался и пошел на пристань, скоро я услышала звук удаляющейся моторной лодки. Видно мужик, что перевез Григория на наш берег, нашелся.

Глава 4

Вслед за Григорием в нашу деревню потянулись и другие участники экспедиции. Да и его самого я стала частенько видеть, то одного, то в компании. Один раз он проходил мимо моего забора с девушкой я ее не рассмотрела, только слышала, как она смеялась. Каждый раз, проходя мимо моего дома, Григорий стучал по забору и кричал, – Прасковья! Доброго дня!

Я, кстати, выяснила кто такой этот Григорий и почему он мне знаком. Стоило мне включить в один прекрасный день свой телефон и увидела его портрет, который я сама и поставила как фон. Это же он – самый красивый мужчина нашего кинематографа, по моему мнению – Стас Орловский. Он подмигивал мне с экрана и от его глаз лучиками расходились мелкие морщинки. Как я его сразу-то не узнала? Ведь я смотрела с его участием почти все фильмы. Не то чтобы я была его фанаткой. Нет, просто нравился он мне как актер, ну и как мужчина, тоже. Надо мною смеялись друзья, знакомые и даже коллеги, все знали об моей слабости. Да и, что греха таить, даже муж бывший был в курсе, и тоже всегда потешался над этим. Потому как знал, что для меня Стас это недосягаемый эталон вечного обожания. То есть был совершенно безопасен для семейной жизни. Ну могут же быть у девочки свои маленькие секретики. А вот муж, бывший, по-

шел значительно дальше и закрутил интрижку сначала с одной, потом с другой, а когда до меня дошли слухи, то его очередная пассия была уже на сносях. Короче расстались мирно, и остались друзьями. И вот теперь судьба сводит меня с моим идеалом! Забавно…

А в пятницу сбежал мистер Дарси. Все овечки пришли на обеденный отдых, а мистер Дарси нет. Я не знала, что делать. Куда звонить? Тетя Маня меня успокоила, – Он к другим овцам прибился, найдется.

И действительно он случайно забрел в чужой хлев, ну посидел бы он там. Но нет, хозяин выгнал несчастного мистера Дарси на улицу. Теперь же баран с безумными глазами носился по деревне оглашая округу своим: «Б-ээээ!» А я бегала за ним упрашивая вернуться в родные пенаты.

– Прасковья! – ухватил меня за рукав Стас, то есть конечно же Григорий, когда я хотела прошмыгнуть мимо него в погоне за бараном. – Ты куда летишь? Что тут у вас происходит?

– Мистер Дарси сбежал, – ответила я чуть не плача, потому что устала уже носится за ним по солнцепеку.

– Мистер Дарси? – Григорий растерянно огляделся, – откуда здесь взялся сей лорд?

– Да баран это мой! – ответила я, вырывая руку, чтобы бежать дальше.

– Тот самый тощий белый баран, который только что проскакал мимо? – недоверчиво уточнил он.

Я кивнула. Григорий покатился со смеху. – Ой, не могу, ой рассмешила! Мистер Дарси?! Баран?! Ну пойдем помогу поймать вашего лорда.

Общими усилиями баран был все-таки пойман и отконвоирован Григорием в родной хлев. Григорий даже ссадил кожу на руках, пока он волочил мистера Дарси домой, крепко удерживая его за рога.

– Вот спасибо! Я уж не знала, что и делать! Пойдем, обработаю твои кровоточащие раны. – Григорий попытался было уклониться от процедуры, но я настояла, и он сдался.

Я провела его в свои апартаменты. В большом теткином доме было две комнаты – гостиная, совмещенная с кухней и спальня. В гостиной у входа сразу располагалась большая выбеленная русская печь с набором разнокалиберных ухватов и кочерег. Тетка печкой летом не пользовалась, поэтому печь была закрыта мятой жестяной заслонкой. Тут же, возле печи, по другую сторону от двери располагался рукомойник, под ним на скамеечке располагался тазик и два ведра – стратегический запас воды. У дальней стены стоял большой стол, накрытый пестрой клеенкой. Подле стола с двух сторон стояли длинные крашеные лавки. Дорога от двери к этому столу была выстлана домотканым половичком. У стены справа, между окошками расположился диван, а на противоположной стене висел большой плоский телевизор, прикрытый кружевной белой салфеткой. Этот интерьер дополняли портреты родственников на стенах, большая репродук-

ция «Неизвестной» Крамского в деревянной резной раме да часы ходики.

Кроме плазмы на то, что мы в XXI веке еще намекал вполне современный кухонный уголок с варочной панелью и огромным холодильником.

Я велела Григорию располагаться, а сама пошла за своей аптечкой. Я всегда вожу ее с собою, есть у меня такой бзик. Только я зашла в спальню, как на пороге, отодвинув в сторону цветастую занавеску, заменявшую дверь, возник артист. Он огляделся, – М-да, все не так уж и плохо. – произнес он.

Я не поняла – о чем это он, строго посмотрела на него. – Выйди отсюда, я тебя не приглашала!

Он послушно ретировался, только занавеска колыхнулась.

Наконец я нашла то, что искала и вышла в гостиную. Григорий рассматривал фотографии на стене.

– Ты совсем не похожа на нее, – он указал глазами на теткин портрет со своим вторым мужем.

– Так больной, садитесь уже, хватит шастать, – велела я строгим голосом.

Он послушно присел на краешек скамейки и положил раненые руки на стол.

– Двигайся, – мне нужно было место чтобы сесть самой, и он охотно пододвинулся, благо скамейка была длинная.

Я села и занялась обработкой царапин на его красивых руках, чувствуя тепло рядом сидящего мужчины. Больше всего пострадала правая кисть. Промыла перекисью, самую круп-

ную ссадину. Заметила, что его тело напряглось. Он что боится, что будет щипать? Мне даже смешно стало. – От перекиси?!

Я повернулась и в упор посмотрела на него. Действительно боится брови нахмурены, губа закушена. Он заметил, что я смотрю на него. Мгновенье мы изучали друг друга. Я первая отвела взгляд и откашлялась.

– Ничего страшного, раны твои я промыла, думаю будет достаточно. Сейчас залеплю пластырем вот эту ссадину и все.

Пока занималась его правой рукой не заметила, как он приобнял меня за талию другой. Почувствовав это, я вздрогнула и замерла. Я просто промыла царапины и совсем не предполагала дальнейшее развитие сюжета.

– Слушай, Прасковья, а сколько тебе лет? – задал он мне вопрос ни с того ни с сего.

Я аж ножницы из рук выронила, которыми упаковку пластырей вскрывала, вот же запакуют, что не открыть никак. – А сколько ты мне дашь?

– Да так, когда я тебя первый раз увидел, то подумал, что тебе не меньше шестидесяти-семидесяти, потом до полста скостил, а теперь гляжу – ты ж девчонка-то молодая совсем, а живешь как будто тебе все восемьдесят… Одеваешься тоже… как бабка старая.

Я посмотрела на него, шутит или как? Но рассмотрела совсем не то, а то, что глаза у него цвета потемневшего сереб-

ра с темно-синими вкраплениями. Красивые глаза, что скажешь, не зря же он самый красивый мужчина нашего кинематографа, по моему мнению. И лучики от глаз на месте. Ох не стоит на этих лучиках зацикливаться. Отвернулась.

Пожала плечами, что мне было ему отвечать? Что в силу обстоятельств непреодолимой силы в виде тети Симы, вынуждена проводить свой отпуск в этой деревне. И что хожу в теткиных халатах, исключительно потому что у меня неконтакт с коровой? Самой смешно! Тем более, что я ему свое настоящее имя назвала, а он нет. Не стала ему отвечать, пусть сам определит. Да и обиделась я, слегка, надо же мне еще и тридцати нет, а уже за бабку семидесятилетнюю приняли.

Вскрыла наконец упаковки и налепила ему пластырь. – Все, больной, до свадьбы заживет.

Он хмыкнул, прижал меня к себе сильнее. И уже его дыханье щекотнуло мне шею. – У меня свадьба через неделю, думаешь заживет к тому времени? – проговорил он низким хрипловатым голосом.

Вот откуда берутся такие! А? У него свадьба через неделю, а он других баб за пятьдесят тискает! Вскипело что-то внутри, как сидела боком к нему, так с разворотом и влепила пощечину. Он аж отпрыгнул, – За что! – Возмущается еще. Щеку потирает.

– Ты все не так поняла… – начал он оправдываться.

– И понимать не хочу! Еще раз спасибо за мистера Дарси и до свидания! – указала на дверь и отвернулась.

Слышала только как он прошел к двери и саданул ею выходя так, что она чуть с петель не слетела, еще буркнул что-то типа «Истеричка!» Это еще поглядеть нужно, кто из нас большая истеричка. Я вот двери в отличии от некоторых не ломаю.

Глава 5

Как-то утром, после того как коров отправили пастись, бабы собрались в кружок обсудить свои деревенские новости. Я с некоторых пор тоже участвовала в этих совещаниях на правах исполняющей обязанностей тети Симы.

– Дочуш, – соседка тетя Маня обратилась ко мне, – сегодня ветеринар приезжает, покажи ему своего барана белого. Что-то хромать стал.

– Да я сама замечала, только я сама с ним не справлюсь.

– Я тебе Витальку отправлю, – подмигнула мне Козыриха.

Виталик пришел в обед, – Соседка! Мне мамка сказала тебе помочь нужно.

Мы пошли в хлев, и я указала Виталику на мистера Дарси, который и в правду в последнее время начал прихрамывать. Виталик решительно направился к барану, не обращая внимание на тот гвалт, который устроили все другие овцы, взволнованные визитом незнакомца. Он ухватил барана за его шерстяные бока и таким образом выволок упирающегося мистера Дарси на двор. Там от его ловко повалил на бок и, придавив всем своим телом, связал барану ноги. А затем, легко взвалил связанного мистера Дарси себе на плечи. – Пошли что ли.

И вот мы вдвоем с Козыренком топаем по дороге к центральной площади деревни. Центральной это я ее так на-

зывала, потому что на ней сосредоточились сразу все общественные и административные органы наших Тетеревней. Магазин, клуб и изба под государственным флагом.

И как на зло встречаю Григория, то есть Стаса Орловского. Он как раз у магазина стоит, с девушкой. Красивая ничего не скажешь, тоже актриса, я ее в каком-то сериале видела. Хотела поскорее мимо пройти, так нет Григорий нас заметил и махнул рукой, – Прасковья, салют!

Пришлось остановиться. Виталик, пользуясь передышкой, сгрузил брыкающегося барашка полежать на травку. А сам выпрямился, расправляя плечи и вытаскивая из кармана сигареты.

Парочка подходит к нам, девица, та, что с Григорием, с интересом рассматривает Козыренка. А Григорий, наоборот, меня. – Здравствуй, Прасковья, что не здороваешься?

– Привет, Гриша. – ответила я.

– Кто? – переспросила девица, глядя на Григория и хлопая приклеенными ресницами.

– Крис, иди покупай, что ты там хотела, нам тут поговорить нужно, – он ее слегка развернул и шлепнул по заднице. Девица фыркнула и, окатив меня презрительным взглядом, скрылась в магазине.

Григорий провел рукой по волосам приглаживая их, – Куда это вы мистера Дарси тащите, позвольте у вас спросить? Он же мне теперь вроде как не чужой.

– Кого? – не понял теперь Виталька, – какого Дарси?

– Барана я так этого называла, – объяснила я Козыренку. – Познакомьтесь кстати мой сосед Виталий, а это мой знакомый Григорий, с того берега.

Мужчины пожали друг другу руки. Виталий предложил артисту сигарету и теперь они дымили вдвоем.

– Так куда это вы такие красивые идете? – повторил свой вопрос Григорий между затяжками.

– Барана к ветеринару несем, – ответил за меня Козыренок, – захромал он.

– А вы, позвольте узнать, как здесь очутились? – поинтересовался Виталик.

– А мы… – не успел он договорить, как, из магазина показалась Крис.

– Дорогой! Я не могу выбрать! Подойди! – позвала она его.

Григорий, извиняясь, развел руки в стороны и последовал за своей подругой.

– Интересно, что она там выбирала? – хмыкнул Козыренок, там же нынче только макароны и водка.

Мы все-таки дошли до ветеринара, он принимал под раскидистой липой в теньке, как самый настоящий Айболит. Со всех концов деревни к нему, к молодому парню в синим сатиновом халате, стекались люди с больными животными. В городе если приходишь в ветеринарку, так сидишь в очереди с кошечками, собачками, в крайнем случае с хомячком. А тут и козы, и бараны, одна корова и петух с гусем. Совсем

другой контингент пациентов. Мы заняли очередь за серой козой, которую привела сухенькая бабулька, расположились на травке и стали ждать. Парень споро вел прием, сверяясь со своими записями.

Подошла наша очередь.

– Так, вы у меня кто? – деловито спросил он у барана, которого Виталька сгрузил на травку.

– Вместо Лузгачевой, мы хромаем. – поспешила ответить я.

И Козыренок, который держал барана, и ветеринар одновременно глянули на мои ноги, видимо ища причину моей хромоты тоже. М-да, в городе доктор понимает сразу, что: «Мы нажрались колбасы и теперь нас тошнит», – относится к кошечке, а не к хозяйке. Пришлось уточнять, что хромает все-таки баран, а не я.

Оказалось, что мистеру Дарси давно не делали педикюр, и ему было просто неудобно ходить. Лечение прошло очень быстро – ветеринар крепко зажал дрожащего барашка ногами и специальным кривым ножом подрезал ему копытца. Вся процедура заняла минуты три. И мы отправились в обратный путь.

Проходя мимо клуба Козыренок мотнул головой на разноцветное объявление на стене. – Прасковья, сегодня танцы, пойдешь со мной?

Я согласилась, и только тогда заметила, Григория, который курил в тенечке. Вот не надо бы ему курить! Он, услы-

шав нас, тоже скосил глаза на афишку, а затем долго провожал нас взглядом. Я даже начала чувствовать между лопаток неприятное жжение, у него что там лазер встроенный?

После вечерней дойки, сходила ополоснуться на озеро, высушила волосы феном. И впервые за две недели надела свою родную, а не теткину одежду. Для такого случая выбрала легкий сарафан и короткую джинсовую курточку, ну и кеды на ноги, не цокать же по пыльной дороге на каблуках. Волосы просто забрала в высокий хвост, мазнула губы, на ресницы немного туши – все образ готов.

Козыренок прямо-таки присвистнул, когда я выплыла из своих хором в облаке любимого аромата Gucci. – Ну ты, соседка, даешь!

Я довольная произведенным эффектом крутанулась на месте, демонстрируя себя с разных ракурсов.

Виталий тоже приоделся, и выглядел очень привлекательно – светлые джинсы с модной рваниной на коленях, только чудом держащиеся на бедрах, белая футболка и накинутая поверх толстовка с каким-то замысловатым принтом. Свои слегка волнистые волосы он зачесал назад. Такая прическа ему совершенно не шла.

– Ну-ка сядь! – велела я ему. Он послушно сел на скамейку у забора. Я подошла и взлохматила ему волосы. Они на ощупь оказались очень мягкими. А еще от того, что парень целыми днями был на солнце, некоторые пряди его шевелюры совершенно выгорели, и можно было подумать, что Ви-

талик сделал в салоне модное мелирование.

– М… какие у тебя волосы! – проговорила я, приглаживая их и укладывая, – не каждая девчонка такие имеет.

Он смотрел на меня снизу вверх и улыбался.

Наконец результат меня удовлетворил, – Так гораздо лучше! Пошли!

Я защелкнула на двери висячий замок, подсунула ключ под половицу, и подхватив сумочку на длинном ремешке отправилась в клуб под ручку с Виталиком. По дороге он меня развлекал, рассказывая различные смешные истории из своей студенческой и деревенской жизни.

Мы здоровались, по деревенской традиции, со всеми встреченными женщинами, которые с удовольствием нам отвечали, а потом долго провожали взглядом, приставив руку козырьком ко лбу, чтобы рассмотреть получше и не упустить детали.

К клубу мы подошли, когда уже совсем стемнело. В Тетеревнях клуб выглядел как большой сарай, и двери ярко освещенного внутри сарая были настежь распахнуты, оттуда доносилась музыка. Около клуба было многолюдно, на лавочках сидели молодые парни и девушки, в темноте вспыхивали огоньки сигарет.

– Здорово, Вит!

– О! Витек!

– Какими судьбами!

– Где такую кралю оторвал?!

С Виталием здоровались все встречные парни и девушки, с некоторыми он обменивался рукопожатиями, с некоторыми дружескими хлопками по плечу. Подлетела девушка, с сияющей улыбкой, но как только она заметила меня улыбка сразу сползла с ее лица. Она ограничилась только словом, – Привет! – и отошла в сторону, недовольно косясь на нас.

Виталий этого не заметил и провел меня в клуб, где под живой ансамбль молодежь отрывалась как могла. У входа за столиком дремала пожилая тетка, которой Виталий заплатил за вход за меня и за себя, после чего мы влились в толпу танцующих.

После двух быстрых танцев под забойные ритмы, солист затянул новую песню с красивой спокойной мелодией. На танцполе стали образовываться парочки.

– Ты позволишь, – спросил меня Виталий и протянул мне руку, я согласно кивнула. Он обнял меня за талию, а я положила ему руки на шею. Мы закружились в танце, в котором Виталий все сильнее и сильнее начал прижимать меня к себе, а рука его так норовила соскользнуть с талии ниже. Я, в принципе, ничего не имею против таких танцев, они в конце концов и созданы для этого. Но только с одним – но! Если это не влечет за собой каких-либо осложнений. А тут осложнение вырисовывалось прямо-таки крупное. И я уже начинала его чувствовать. Зачем мне отношения такого рода с Виталиком, он меня вполне устраивал как сосед-приятель-друг. Не более. Поэтому, когда музыка закончилась я

сбежала от него на воздух. Со сцены объявили белый танец и Виталия, который хотел последовать за мной, перехватила на ходу та самая девица, которая встретилась нам на входе.

Я присела на самую дальнюю скамейку подальше от курящих молодых людей, набросив на плечи свою джинсовку, потому что становилось прохладнее. Комары противно зудели над ухом и с остервенением атаковали мои беззащитные ноги. Парни, подобно тем же комарам, один за другим начали подходить ко мне, приглашали на танцы, пытались познакомиться. Один даже целую жменю семечек мне презентовал. Но я очень вежливо отказывалась от танцев, а семечки пришлись как раз ко двору.

И когда над ухом раздалось, – Мадемуазель, разрешите вас пригласить на танец.-развернулась, чтобы снова отказать незадачливому кавалеру, но узнала Григория. Стоит улыбается и от него за километр разит коньяком, или что он там пил.

– Опа! Прасковья! Ты что ли? – он обошел вокруг меня, оглядывая с ног до головы.

– Не ожидал! Постой. – он прищурился, – Да ты блондинка!

– Какая есть, – ответила я.

Он выпрямился, галантно согнул руку в локте, – Прошу!

Я сунула в карман недогрызенные семечки, встала и подала ему руку. Он же сильно дернул меня на себя так, что я просто влетела в него.

– Совсем больной! – не выдержала я, когда он обвил меня своими ручищами.

– Ага! – согласился он, но слегка отпустил. А дальше мы вышли на танцпол, и я пропала. Танцевал он как бог, ну что скажешь – артист, он и в Африке артист. Музыка менялась с быстрых ритмов на медленные, а мы все танцевали и танцевали. Я даже не подозревала, что способна на такие замысловатые фигуры. Со Стасом было невероятно комфортно, он как-то чувствовал меня, а я его. Он мне что-то говорил на ушко, я искренне смеялась.

Но нас, прямо посреди очередного танца, грубо остановил Виталий, нарисовавшийся с группой поддержки, он встал между нами и по-хозяйски положил свою руку мне на талию. Судя по тому, как он раскраснелся и как блестели его глаза, парень тоже уже был не вполне трезвым.

– Пойдем выйдем! – сказал он, грозно глядя на Григория и сплевывая на пол.

– Стас! – раздался резкий женский голос – это подружка его Крис, кажется, тоже здесь.

Григорий посмотрел в ту сторону откуда раздался крик, потом на меня, затем на Виталика.

– Пошли! – согласился Григорий спокойно.

– Стас, не смей! – опять раздался визгливый голос, – я уже задолбалась твои синяки лечить!

– Если сейчас выйдешь – ты труп, Орловский! Ты понял?!

Никогда не считала себя роковой красоткой, из-за кото-

рой можно скрестить шпаги, ну или получить в нос, но кровопролитие я должна была остановить во что бы то ни стало!

– Виталий! Стас! – крикнула я и одновременно со мной Крис, они оба оглянулись на меня, на Крис, а затем все-таки вышли.

Я кинулась за ними, но у дверей меня перехватил какой-то парень, не давая выйти. – Стойте, мадам, дайте пацанам поговорить, разобраться.

– Да идите вы со своими разборками! – я так толкнула этого парня, что он отлетел в сторону, и выскочила наружу.

Посмотрела направо, затем налево – никого. Прислушалась – тихо. Ну и куда их леший погнал?

Следом за мной из клуба неспеша вышла и Крис. – Все из-за тебя – потаскуха деревенская! – прошипела она.

– Ну вот, что мне теперь делать? Опять ему морду начистят! А у нас сроки! – с этими словами Крис скрылась в темноте.

Я поняла, что лучшее, что могу сделать это тихо уйти домой. Танцевать мне расхотелось совершенно! Натанцевалась! Тем более, что утром вставать рано.

Глава 6

Ночью в сенях услышала грохот, испугалась. Глянула на часы полтретьего. Кошки что ли скачут? Прислушалась – тихо. Но сон не шел все равно. Встала и на цыпочках прокралась в сени – все спокойно, все на местах. И тут услыхала шорох на улице, кто-то скребся в дверь.

– Эй! Кто там! – окликнула я, не открывая двери. Потому что от страха волосы начинали шевелиться на затылке.

– Я это, Григорий. – раздался знакомый голос.

Лязгнул засов, и я тихонько приоткрыла дверь. Григорий сидел на крыльце, привалившись к двери, и когда я ее распахнула пошире – просто повалился на меня.

Моя трясущаяся рука темноте нашарила выключатель и зажгла свет в сенях. Мало того, что этот артист был пьян в стельку, так и лицо его было разбито до крови.

– Господи! – только и крикнула я, подхватывая его, чтобы он не растянулся во весь рост у моих ног.

– Встать сможешь? – он с трудом оперся на мое плечо и тяжело поднялся. Провела его в комнату, усадила на диван.

– Ты меня видишь? – кивнул.

– А руку мою, – тоже кивнул.

– Сколько пальцев видишь?

Он накрыл своей ладонью мои пальцы, – Не надо, все в порядке!

– Как же не надо, нужно же понять есть у тебя сотрясение или нет? – возмутилась я.

Он улыбнулся и отчеканил прекрасно поставленным голосом, с паузами, как на сцене, – Ничего не двоится, не троится, и даже не четверится. Голова не кружится. Гудит только.

Пришлось доставать из холодильника пакет с замороженными овощами, и прикладывать его к самым крупным ушибам, предварительно завернув в полотенце. Взяла руку мужчины и приложила к пакету, – Держи!

Потом занялась ссадинами и синяками, опять притащила свою аптечку. Если бы знала, что мне потребуются только антисептики, да перевязочный материал, так взяла бы побольше.

– Зубы покажи, – велела я.

Он послушно открыл рот. Судя по состоянию его верхней губы – в зубы он получил знатно. Десны кровили, но все стояло как будто на своих местах.

Костяшкам пальцев тоже досталось, и их я в воспитательных целях густо намазала йодом. Знала же как этот…артист боится боли, но что он так зашипит и начнет дергаться не ожидала. Пришлось дуть на свежие ранки.

– Чего ко мне притащился? – спросила я его, закончив осмотр. – А не к своей Криске.

– Ты царапины лучше лечишь чем она. – сказал он, положил подбородок на сложенные на столе руки, и уставился на меня. Пакет с заморозкой при этом он водрузил себе на

голову.

Я, сидевшая напротив, скопировала его позу и между нашими лицами теперь не было и десяти сантиметров. – Правильно холод приложил, к самому больному месту.

Он легонько пожал плечами, легкая улыбка тронула разбитые губы.

– И что мне теперь с тобою делать? – спросила я.

Он ответил, погодя, – Сама думай.

И придумала я вот что – постелила ему на диване и отправилась досыпать. До подъема оставалось всего-ничего один час.

В пять, как всегда, поднялась, пошла доить свою Адель. А как подоила – вспомнила, что сегодня мой черед работать пастухом. В этой деревне традиция такая была – все по очереди пасут деревенское стадо. В стаде пятнадцать коров, вот почитай два раза в месяц ты должен быть пастухом, ну или пастушкой, как в моем случае.

Надела теткину телогрейку и повязала на голову платок – утром еще прохладно. Взяла с собой рюкзачок, куда сунула термос с горячим кофе, пару бутербродов, книжку, ну и телефон – куда же без него.

Выпустила своих животных на луг, и тут же стали собираться все остальные. Женщины собрались в кружок, обсуждая новости, когда я подошла они замолчали. Среди них солировала Козыриха, видимо рассказывала о ночных похождениях Виталика.

– Прасковья, – обратилась она ко мне, – что в клубе-то произошло? Почему Виталька с фингалом пришел, и штаны на коленках порваны.

– Не знаю, тетя Маня, я на нем штанов не рвала и фингалов не ставила. – ответила я. – Подрался, наверное.

Она сложила руки перед грудью и осуждающе покачала головой. – Я-то думала, что ты хорошая девка, а ты такая же вертихвостка, как и Симка!

Бабы загалдели.

– Яблоко от яблони…

– Да все они – одно семя!

– Одно слово – Лузгачи!

– Городские! Понаехали!

– А, тьфу!

Чтобы больше их не слушать я отошла подальше и занялась своими прямыми обязанностями – пасти коровенок. А бабы постояли еще немного, посплетничали и разошлись по своим делам.

– Ну вот, – подумала я, засовывая озябшие руки в карманы телогрейки, – испортила отношения с соседкой, а до дембеля еще две недели.

Неожиданно нашла в одном из карманов горсть семечек. Сколько им лет интересно? Спасибо, тетка Сима, пастушке есть чем заняться.

До обеда отпаслась спокойно – и в полдень пригнала все стадо в деревню. Самые жаркие часы скот прятался от ово-

дов, слепней и прочих кровососов в своих хлевах. На выпас выходил только часа в три по полудни, когда жара начинала спадать. У меня была небольшая передышка отдохнуть и пообедать.

Каково же было мое удивление, когда я застала у себя Григория – он все еще спал. Ну это уже просто свинство какое-то! Прости, Миледи.

– Алло! Гараж! – от звука моего голоса Григорий подскочил.

– Ой! Сколько времени? – пробормотал он, растерянно хлопая глазами и оглядываясь.

Потом он перевел взгляд на меня, шестеренки в его голове явно за что-то зацепились и никак не хотели вставать в нужную позицию.

– Где я? – хрипловато спросил он, натягивая на себя простынь на манер древнего римлянина.

– У меня.

– Деревня Тетеревни, тебе это что-нибудь говорит?

Он подумал, осознал и кивнул.

– А ты где была? – задал он следующий вопрос, прочистив горло.

Я закатила глаза, ну не объяснять же ему про пастушью череду. – Коров пасла, – ответила я.

– Так ты что, пастушка? – осклабился он.

– Вроде того.

– Ты же красивая умная девка, тебе учиться нужно! –

в сердцах воскликнул он, вскакивая. От чего простынь поползла с его торса.

– У меня есть профессия, чем она плоха? – парировала я.

– Слушай, Прасковья, выйди, мне одеться нужно. – сказал он, снова заворачиваясь в свою тогу. – И пастух – это не профессия!

– Слушай лучше ты, Григорий! – разозлил он меня не на шутку, – Это мой дом, у тебя была масса времени, чтобы одеться и убраться восвояси. А я устала, с пяти часов на ногах, поэтому хочу отдохнуть.

– И да, пастух – это не профессия, это жестокая необходимость! – добавила, хлопнув ладонью по столу.

Отвернулась, – Одевайся, не смотрю, – и занялась приготовлением обеда. За спиной послышался шорох, ткани.

– Обедать, то есть для тебя, конечно, завтракать, будешь? – спросила я не поворачиваясь.

– Буду, – пробурчал он в ответ.

Разогрела в микроволновке тарелку супа себе, а потом ему. Поставила на стол. Молча пообедали. Я встала и уходя в спальню сказала, – Я с ног валюсь, полежать хочу. Дверь, уходя, захлопнешь.

Встала через час, – нужно же Адельку доить, и собираться на вечерний выпас. Выползла в гостиную, запахивая теткин халат на ходу, зевая в кулак, и наткнулась глазами на … Григория.

– А ты почему не ушел? – спрашиваю.

– Гонишь? – смотрит на меня, ухмыляется, заломив бровь. Ссадины на лице подсохли, а вот синяки стали ярче. Отеков нет, хорошо холод приложили, – похвалила сама себя.

– Да нет, сиди, коли хочешь, я все равно через два часа ухожу. – и занялась своими повседневными делами.

Сходила в сад, нарвала яблок для Адельки, без них она к себе не подпустит. Затем в хлев. Когда с полным подойником молока вошла к себе, я обнаружила Григория сидящим за столом? Сидит, книжку читает. Где только нашел? Я и не знала, что у тетки книжки есть.

– Друг милый, – обратилась я к нему, – тебя твои, случаем, не потеряли?

Он оторвался от чтения, коротко на меня посмотрел, поверх книги и вернулся к своему занятию.

– Нет, – говорит, – не потеряли.

– Хотя я рад, что уже и друг и милый, – уточнил он погодя, демонстрируя свою фирменную улыбку.

Я от такой наглости чуть ведро из рук не выпустила. Вот когда его аккуратненько поставила на стол, помыла руки после дойки, тогда только скомкала и швырнула в наглую физиономию полотенце.

Но у Стаса, как оказалось, была прекрасная реакция и он легко уклонился от полотенца, а луковицу, которая полетела следом за полотенцем поймал и положил на стол.

– Успокоилась, выпустила пар? Не отвлекайся, а то моло-

ко прокиснет. – он опять уткнулся в книгу.

Ну вот, он теперь еще мной и командует. Докатилась! Я процедила молоко, разлила его по банкам, помыла подойник. Пошла кормить Миледьку, курам насыпала, да и стала собираться.

Пока бегала туда-сюда по двору заметила, что погода начала портиться, тучки стали собираться. Эх не повезло, дождь в поле. Ну ничего я зонтик возьму – чай не промокну.

Накинула на плечи свой рюкзак и опять выгнала на луг Адель в компании овец. Обратила внимание на мистера Дарси – он действительно перестал хромать. Вылечили мы его с Козыренком.

А, кстати, где он – Козыренок-то?

Легок на помине – гонит свою скотину на луг. Пригляделась к его лицу – да… Григорий тоже прилично отметился. Под глазом у парня наливалась огромная гематома, и губа тоже разбита. Что скажешь – оба красавцы. Один – один.

– Привет! – помахала я ему рукой. – Ты как?

– Привет, соседка. – хмуро поздоровался он. – Слушай, извини, что так вышло…

Я его прервала, – Не нужно, считай, что извинения приняты. – И пошла к своим подопечным.

– Паш, – окликнул он меня, – ты их на дальний луг отгони они там целый день ходить будут, и тебе меньше хлопот. Знаешь где это?

– Спасибо за совет, сосед! – крикнула я ему.

Как и посоветовал Виталик, мы с коровами забралась на дальний луг. Это было огромное поле, с которого только-что убрали какие-то зерновые. Вдали виднелась стена леса, а вдоль дороги, пересекающей это поле, росли низенькие кустики, высаженные для защиты от ветра. Мои коровки разбрелись, с удовольствием уплетая васильки и ромашки. Я же вольготно устроилась на охапке свежей соломы, изредка поглядывая на подопечных, пересчитывая их время от времени. Овечки они не разбредались, сбившись в одну большую отару, они дисциплинированно ходили своей компанией.

Одно плохо. Из-за горизонта вылезла огромная темно-серая туча, с прожилками синевы – ну прям как глаза у Орловского. И эта туча, цвета глаз, одного наглого индивидуума, стремительно приближалась. Густую синеву то и дело перечеркивали стрелы молний, грохотало не по-детски. После того как первые тяжелые капли упали на меня, я спешно собрала свои шмотки, чтобы не намокли и распустила зонтик.

Что это плохая идея я поняла, когда увидела, что ко мне по полю, шелестя, приближается сплошная стена дождя. Мокрой я стала в момент. Ветер дул с такой силой, что кусты и деревья просто стелились по земле. Зонт не выдержал – его попросту сдуло. Гроза разразилась над моей головой с такой мощью, что мне стало по-настоящему страшно. А когда в сосну, стоявшую на противоположной стороне поля, ударила молния и макушка сосны от этого загорелась, я, прижимаясь к земле, по-пластунски, поползла под ближайший куст. Небо

над головой разрывалось раскатами грома и рассыпалось от одного края горизонта к другому. Яркие ветвистые молнии перечеркивали мрак, сопровождая свои вспышки оглушительными ударами. Вода сплошным потоком лилась с небес на землю, причем потоки эти, подхваченные порывами ветра, били исключительно в лицо.

Я, наверное, оказалась со стадом в самом эпицентре бури, потому что молнии долбили без остановки, все рокотало и трещало, а ураганный ветер мотал деревья как тряпки. Коровы мои не вытерпели этого издевательства и с ревом ринулись бежать в сторону дома. Причем во главе этого побега была конечно же Адель. Ко ж еще-то? Я глянула на часы, оставалось еще целых два часа до конца моей смены. Пришлось выползать из своего убежища и останавливать беглянок. Вы пробовали когда-нибудь в одиночку, без чьей-либо помощи остановить татаро-монгольское нашествие? Вот примерно такое ощущение было у меня.

Кроссовки наполнились водой и хлюпали при каждом шаге, пока я бегала то за одной, то за другой коровой, решившей самовольно покинуть место дислокации. Тут уж стало не до грозы. Я только приседала, когда небо надо мной особо громко начинало трещать, как мокрая холстина, разрываемая тупой шпорой. Побег буренок мне удалось остановить только когда постепенно стало светлеть, а раскаты грома удаляться. Дождище, правда прекращаться даже не думал, а продолжал лупить как из ведра. По дороге ручьем бе-

жала вода, канава, где я пряталась от грозы, вся заполнилась до краев. Но животные, наконец, успокоились, и теперь коровы с потемневшими мокрыми шкурами просто они стояли и жевали жвачку. Я окинула их взором – все в наличии…

Григорий нашел меня под кустом и буквально вытащил меня из лужи.

– Ты охренела? – заорал он на меня. – Такая буря, а она тут отмокает.

Он еще что-то кричал и махал руками, но ответить я не могла, потому что я промокла, замерзла и у меня мелко-мелко стучали зубы. Наконец он заметил, что меня трясет и скинув с себя свою теплую толстовку – напялил ее на меня. Меня сразу окутала волна чужого тепла и его запаха. А что? Приятно пахнет.

– С-пппп-а-ссс-и-бббо! – проговорила я, все еще трясясь и от холода, и от пережитого стресса. Вдвоем мы погнали наше вымытое стадо домой.

У ворот своего дома поджидала Козыриха, – Дочуш, что ж ты раньше-то не пригналась, такая гроза! Я аж вся издергалась. Вот хотела уже Витальку отправлять тебя искать!

– Спасибо, меня уже нашли, – ответила я. Вот не понимаю я этих деревенских! То вертихвостка, то шалава, и сразу дочуш. Мои испорченные отношения с соседкой снова наладились?

Глава 7

Я устало зашла в дом и уселась на лавку. Нужно было бы переодеться в сухое, потому как я была мокрая до трусов. То есть трусы тоже были мокрые. Но сил не было совсем, хотелось просто посидеть в тепле.

Стоп! А почему в комнате так тепло? Я огляделась по сторонам – и увидела, что в печке весело горит огонь. Этот, как его, Григорий, что же – печку затопил?! Да он просто полон сюрпризов!

А вот и он сам. – Извини, я тут немного похозяйничал!

– Есть будешь? – я кивнула в ответ. – Сейчас переоденусь только в сухое.

Через пять минут я уже сидела в уютной флиске, а передо мною на столе стояла тарелка с горячими щами. К тому же самый красивый мужчина нашего кинематографа, по моему мнению, сидел напротив и намазывал для меня масло на большой ломоть хлеба.

– Ох, Прасковья! Напугала ты меня! Это ж надо в такую бурю под кустом сидеть! – проговорил он, наливая мне в кружку кипятка и засовывая туда чайный пакетик.

Я не отрываясь следила за его красивыми руками и поэтому слышала его через слово. В тепле, да с горячим чаем меня реально начало развозить. Глазки сами собой стали закрываться. Я еще пыталась участвовать в разговоре, даже

отвечать, но получалось односложно и невпопад. Григорий что-то говорил, говорил и под этот шумок я начала просто скатываться в сон. И проснулась от того, что он замолчал. А ведь мне уже даже успело что-то присниться.

– Что, говорю, под кустом-то сидела? Не могла раньше домой пригнаться? – повторил он свой вопрос и окончательно разбудив мня.

– А что мне оставалось делать! – очнулась я и потянулась, – Когда сообразила, что это не шутки было уже поздно.

– Ладно, хорошо все, что хорошо заканчивается, но больше так не делай! Договорились? – попросил он, сложив ладошки лодочкой.

– А теперь иди спать, а я тут все приберу! – заявил мой ангел-хранитель дня.

– Какое спать! Мне еще Адельку доить, свинье дать пожрать, курей закрыть, а вот только потом спать!

– Прасковья! Ты не женщина – ты Терминатор какой-то! – отозвался Григорий.

Терминатор не терминатор, а я просто с ног валилась, когда все намеченное выполнила. И заснула, едва коснувшись подушки, чтобы в пять утра вскочить и снова как заведенной по кругу. Корову подоить, свинье дать, курам покрошить и так далее и так далее и так далее.

А Григорий так у меня и застрял. Из-за урагана что-там в съемочной экспедиции поломалось и все застопорилось. Он разговаривал по телефону с кем-то и ругался страшными

словами. Очень художественно это у него выходило – артистично! Вот только почему он к своей Криске все не как не свалит я уже устала спрашивать.

Григорий отвечал только одно, что у меня он душой отдыхает и попросился на постой на время съемок. Обещал платить за койко-место. Ну а мне-то что – живи.

Когда у них там все наладилось – за ним утром стали лодку присылать, а к вечерней дойке он возвращался. Так прошла еще одна неделя. Оставалось всего ничего, и меня отпустят с галеры!

Я так устала от этой круговерти, что мне уже больше не интересны были ни танцы, ни свидания. Одно только я себе позволяла – вечером иногда пойти на мостки и прыгнуть в теплую озерную воду.

Сидя на нагретых солнцем досках причала и болтая ножками в воде, я задумалась, буду ли я о чем-нибудь этом скучать в городе. Я обвела взглядом пейзаж. Наверное, об этом озере буду, и об этой тишине, нарушаемой только стрекочущими кузнечиками, тоже. Об Аделькe точно не буду, уж сколько она моей крови выпила – не корова, а вурдалак какой-то. О прочей живности тоже не буду, ну разве что об мистере Дарси.

По кому еще буду скучать? Виталька – хороший парень, пожалуй, и по нему чуточку буду. Я вздохнула.

А вот…

Не успела додумать – раздался плеск. К причалу подошла

лодка, а в ней Григорий. Легок на помине.

– Привет, хозяйка! – он широко улыбнулся, синяки все сошли и ссадины затянулись. Он даже с Козыренком успел помирился. Как-то пришла домой, а они там сидят на пару пьют какую-то бормотуху и разговоры эти свои мужские ведут.

Меня звали присоединиться, но я только заметила, что красные вина тоже не желательно пить, – зубная эмаль может окрасится. За это Григорий меня в очередной раз обозвал душной бабой.

– Сидишь, в печали? – спросил мой постоялец, присаживаясь рядом и, закатав штанины по колено, тоже опустил ноги в воду.

Сидеть с ним рядом приятно, так и хочется сесть к нему поближе, положить голову на плечо, ну и… тому подобное.

– Как там твоя свадьба? – напомнила скорее самой себе, о том, что все мои фантазии – так фантазиями и останутся.

– Перенесли на неделю, там какие-то сложности нарисовались, – ответил он буднично, приобнимая меня за плечи, – а что, хотела бы пойти посмотреть, я устрою?

– Да боже упаси! – попыталась я от него отстраниться, – чего я там не видала!

– Да сиди не рыпайся! – он удержал меня в своих руках, пресекая попытки к бегству.

– Вот не понимаю я тебя, Пашка, как ты живешь? Целыми днями крутишься-вертишься, и во имя чего? – он пожал

плечами, – Не понимаю!

Надо же первый раз меня Пашкой назвал, а то все Прасковья да Прасковья.

– Привыкла. – отвечаю, – Хотя, порою, сама задумываюсь – зачем я здесь?

– Поезжай в город! Брось ты это! – он обвел рукой вокруг.

– Профессию нормальную получишь, а то пастух! Это ж надо в XXI веке и пастух! Уму не постижимо! – он что искренне пытается убедить меня поменять свою жизнь?

Я внимательно на него посмотрела, немного отклоняясь, – Какую такую профессию?

– Ну я не знаю – парикмахер там, повар, или воспитатель детского сада. Да что угодно, только не ту, что ты выбрала! Это ж надо – пастух! – он повторяет это слово будто презрительно выплевывая.

А вот теперь уж я обиделась за всех пастухов мира, – Да нормальная у меня профессия, не хуже твоей! Нужная!

Он со стоном безнадежности потирает мое плечо, силнее прижимая к себе, – Эх, Прасковья, не понимаешь ты меня!

И столько нежности и теплоты в этом, что я просто как под гипнозом, разворачиваюсь в его руках и, глядя в темно-серые глаза, провожу рукой по колючей щеке.

Это не я! Это мои взбесившиеся гормоны! Его гормоны ведут себя аналогичным образом. Сопротивляться им уже нет никакой мочи, и я с радостью сдаюсь, ощущая его губы на шее, на щеке, в уголке глаза. Но мне этого мало, сама нахожу

его губы и впиваюсь в них. Как же хорошо! Хочу еще! И не удержавшись на мостках лечу в воду!

Здесь мне по грудь, он прыгает следом за мной и сразу же подхватывает меня за талию. Я обхватываю ногами его торс и теперь просто парю в невесомости ощущая его ласки на шее, ключицах, он везде.

Смотрю на него сверху, откидываю с его лба мокрые пряди и, обхватив его лицо своими руками, целую. Хочу добиться ответа, а когда получаю – отталкиваюсь от него ногами и легко уплываю. Мне нужно остыть, слишком яркое ощущение, слишком сильное, чтобы быть правдой.

Он догоняет меня, хватает за ногу, от чего я с головой ухожу под воду, он тоже. Вырываюсь из захвата и теперь мы кружимся в темной воде, как два хищника – глаза в глаза.

Обманный маневр, и я подныриваю под него и плыву со всех сил к берегу, я хорошо плаваю, он тоже, и на песок мы падаем одновременно.

Дыхание сорвано, никак не отдышаться, все силы отданы сражению. Раскидываю руки и ложусь на спину, надо мною великолепные крупные звезды. Среди звезд вижу над собою лицо Григория. С его волос на меня капает вода, но мне нравится это, и я притягиваю его к себе…

Глава 8

Я уже стала просыпаться за десять минут до того, как прозвенит будильник. Вот и сейчас без десяти пять, еще можно поваляться.

Уютно пристроилась на плече Григория и прикрыла глаза. Вспомнилось все, что произошло вчера, между нами. Улыбнулась. Самое смешное, что меня совершенно не мучают угрызения совести. Ведь я соблазнила почти женатого человека… И представьте себе – совершенно не стыдно. Вот ни капельки. Тем более если его невеста эта та самая Крис. Воспоминая ее просто расстроилась.

Вот почему такие как он всегда женятся на таких как она. Видно же, невооруженным взглядом, что стерва каких поискать. А они не видят, что ли? Или закон такой есть, что рядом с симпатичным мужиком обязательно должна быть этакая …Крис.

Вздохнула и повернула голову, рассмотрела расслабленное лицо спящего мужчины.

– Надеюсь, что наш с тобой «курортный роман» таким и останется. – шепчу я, – А то ведь я могу запросто увлечься, привыкнуть к тебе, влюбиться в конце концов. Тяжело потом отдирать по живому. Пусть это будет: «легкий роман, от которого слегка кружится голова и остается приятное послевкусие» -, как говорила героиня одного фильма. Заслужила

же я хоть какую никакую награду за этот «курорт»!

Поцеловала его в нос, отчего он смешно сморщился. Что-то пробормотал сквозь сон, я прислушалась, но не поняла ни слова.

Бросила взгляд на часы – пора вставать, Аделька ждет.

Быстро управилась со всеми делами, нырнула под одеяло к спящему мужчине и обняла его.

Он дернулся, почти просыпаясь, – Такая холодная! – но не отстраняется, наоборот прижимает меня к себе, делясь теплом. Согреваясь в его объятиях, снова засыпаю… Чтобы проснуться от стука в окошко.

– Прасковья! Где ты, черти тебя задери! Скотина твоя по огороду гуляет!

Приподнялась на локте… Блииин! Уже полпервого! Вскочила, натягивая на себя теткин халат, и пулей вылетела на крыльцо.

Адель в саду под яблоней, где же ей еще быть, подбирала падалицу. А овечки расправлялись с клубничной грядкой.

Виталька, увидел меня и закричал, – Соседка, так-перетак, я что должен твою скотину пасти?

– Прости!

– Проспала! – сказала я, запахивая халатик жмурясь от света и ежась от свежего ветра.

Адель, когда я к ней подошла, лениво окинула меня взглядом и продолжила свое занятие. Так ладно с ней разберусь позже – эта никуда не денется, а пока загоню в хлев овечью

банду. Пока гонялась по огороду за овцами – потоптали все грядки. В конце концов мне удалось их загнать в овчарню.

Адель все это наблюдала, методично подбирая яблоки и помахивая ушами.

– Все, Адель, наелась и пошла! – заявила я ей безапелляционно.

Она в ответ покрутила головой, отгоняя слепня.

– Ах, нет?!– возмутилась я. – А, ну пошла! Ну правда, ну пойдем, а? Ну будь ты человеком!

Уж не знаю, что подействовало на нее, а может она просто уже была сыта, но корова пошла прямиком к себе. Наверное, если бы она умела, так и дверь бы за собой закрыла.

И все это под тоскливое завывание Миледи. Ах, божечки ты мой, про нее я тоже забыла. Скорее начала месить «хряпу». А потом курам с гусями дать, корову подоить…

Когда разливала молоко по банкам, Григорий, только-только проснувшийся, подошел со спины и обнял меня. – С добрым утром.

– Угу, с добрым. – согласилась я, продолжая свою работу.

– Что такая злая сегодня? – он сел и подперев щеку стал наблюдать за мною.

– Слушай, Григорий, тебе на работу сегодня не нужно? – поинтересовалась я.

Он улыбнулся своей фирменной улыбкой, и я залипла на лучиках-морщинках, разбегающихся от его глаз, – Опять гонишь меня?

– Нет просто не хочу, чтобы тебя уволили за прогулы.

Он хмыкнул, – Не уволят!

Ну да, ну да, ты же у нас звезда! Кто же уволит такого звездуна. Опять за сигаретами полез. Я отобрала у него пачку. – Не нужно тебе курить.

А сама, наоборот, вытащила сигарету и закурила, выпуская дым в сторону.

Григорий смотрел на меня нахмурившись.

– А мне – можно! – пояснила я. – У меня день нервный.

Он засмеялся, – А у меня каждый день такой, так что же мне делать?

Я села к нему на колени и поцеловала его, – Вот что!

– М.. – замурлыкал Григорий, – Такой метод мне подходит!

Его руки тут же проникли под теткин халат. – Прасковья, сними ты этот халат – от него коровой разит.

Ну вот, разрушил магию момента, я слезла с его колен, хотя он и пытался меня задержать. Сигарету затушила.

– Ты, что, обиделась? – Он ухватил меня за рукав.

Да кто я такая обижаться на этого охломона, пусть на него Криска обижается. Поэтому сделала шаг назад и медленно стянула с себя теткин халат, с вызовом глядя на мужчину.

Он правильно понял мой посыл и следующий час мы провели так, что я опять напрочь забыла, про свои обязанности. Очнулась в самый последний момент. Поцеловала Григория и сказала, что сейчас вернусь, только выпровожу свое стадо.

На крыльях вылетела на двор. Открыла дверь хлева и из него щурясь стала выходить корова. Только я заметила, что моя белоснежная Адель отдыхала лежа в куче навоза. Теперь весь ее бок был цвета… скажем телячьей неожиданности.

– Григорий! – крикнула я во всю глотку, причем на две октавы выше.

В доме что-то громыхнуло, в сенях что-то бухнуло, и на крыльцо вылетел взъерошенный Григорий. Из одежды на нем были только джинсы. Хорошо хоть так. Я залюбовалась его торсом.

– Ты что кричишь?

– Корову держи!

– Как?! – мужчина растерянно смотрел то на меня, то на Адель. Адель тоже не ожидала, что перед нею вдруг возникнет полуодетый привлекательный мужчина, и смотрела на него оценивая.

– Как-нибудь, я не могу такую грязнулю отправлять. – Григорий осторожно оглядел ее с одного бока, потом с другого. И присвистнул. – Как ее звать-то?

– Адель.

– Адель?! – уважительно повторил Григорий. – Тихо, тихо, красавица! Умница! Ты скоро, Прасковья?

Я бегом метнулась в дом, быстро схватила свой шампунь, мочалку, плеснула теплой воды в свободное ведро, и выскочила на двор. – Держишь! Хорошо! Держи еще.

Я быстро намазала шампунем испачканный бок коровы.

Она с тревогой втягивала ноздрями воздух. Еще бы у меня дорогой шампунь, запах обалденный! Я терла ее мочалкой и ополаскивала теплой водой, а Григорий в это время заговаривал ей зубы, и она, эта вреднюга, его слушала, развесив уши. Ну и что, я бы тоже слушала, если бы меня таким бархатным тембром называли «красавицей», «совершенством», «очаровательной блондинкой», «молоденькой телочкой», «топ-моделью» и «малышкой». Он вообще про что?

Отмыла, отошла полюбоваться – получилось, что свежевымытый бок теперь блестел на солнце, а та сторона, которая была изначально чистой, выглядела…не очень. Ну что делать – пришлось мыть корову и с другой стороны.

Григорий видимо нашел общий язык с коровой и уже просто почесывал ее, а она довольно жмурилась. Нет, ну как?! Меня она все время пыталась рогами пырнуть, а тут такая любовь с первого взгляда.

Все, корова, наконец, была вымыта, и белоснежная шерсть ее сияла так, что хотелось прищуриться. Я решила, что феном сушить не нужно. – Григорий! Отходи!

Григорий поцеловал Адель в нос и ласково похлопал ее шее. – Иди, красотка, гуляй!

Адель прошествовала мимо, щеголяя белоснежными боками и благоухая как роза Дижона.

Григорий подошел ко мне и приобнял меня за талию, мы вместе проводили взглядом удаляющуюся Адель. Посмотре-

ли друг на друга и расхохотались.

И в этот момент услышали, – Браво! – облокотившись на мой забор, стояла Крис. Она подняла солнцезащитные очки на лоб, и издевательски похлопала в ладоши.

– Нет, действительно, мне понравилось! Орловский, правда, это твое!

Глава 9

– Может пригласите меня в ваше гнездышко? – она, не спрашивая, прошла мимо нас в дом.

– Ребята, не стесняйтесь, – выглянула она из сеней.

Я тревожно посмотрела на Григория. Он успокаивающе погладил меня по плечу.

– Слушай, Григорий, у меня еще дел полно, иди разбирайся со своей, а я пошла. – он хотел что-то возразить, но я не дала ему сказать ни словечка, просто поднялась на цыпочки и чмокнула его в щеку. – Иди!

Еще не хватало участвовать в их разборках! У меня тут Миледи и куры с гусями. Пошла замешивать очередное ведро «хряпы».

Специально не прислушивалась, но они так кричали в доме, что я невольно все слышала. Что-то грохнулось. Они там друг друга не поубивают? Хотя тут скорее нужно Стаса спасать, потому что голос «невесты» был на порядок громче, а реплики длиннее. Агрессивная такая! Стас, наоборот, отвечал односложно. О стену что-то ударилось и разбилось. Теткину посуду бить начали? А! Плевать!

Скоро бухнула входная дверь и из дома вылетела девушка, размазывая тушь по щекам. За нею вышел и Григорий.

– Крис! Ну постой! – он сбежал с крыльца.

Девушка вернулась, – Орловский, ты урод! И я рада, что

наконец увидела твое истинное лицо! Чао!

Проходя мимо, она так двинула меня плечом, и я упала бы, если бы меня не подхватил Григорий.

– Ну что ты творишь? – обратился он к девушке, которая, гордо удаляясь и не поворачиваясь, показала ему средний палец.

– Прасковья, я должен съездить, уладить кое-какие дела, и вечером вернусь. – он тряс меня за плечи, а я смотрела в сторону. В уголке глаза почему-то появилась предательская слеза.

– Ты что, мне не веришь? – спросил он, пытаясь заглянуть мне в глаза.

– Верю, – ответила я просто.

– Ну тогда до вечера, – он поцеловал меня в макушку.

Я стояла и смотрела, как он уходит, обернулся. Я помахала ему рукой.

Верила ли я, что он вернется? Конечно верила. Но и знала, что я его больше не увижу.

Он, конечно, не вернулся. Да я его, если честно, и не ждала. Видимо мой курортный роман завершился. Что я там говорила про послевкусие?

Меня удивила Адель. Когда она пришла с выпаса вечером, то первым делом начала выискивать глазами Григория.

– Он не придет больше! – сказала я ей поглаживая по шее, первый раз за почти месяц.

– Ммм? – спросила она меня.

– Такие девчонки как мы – не могут претендовать на такого мужика. – объяснила я ей.

– Мфф! – возразила Адель и грустно ткнулась носом в мою ладонь.

С того дня мы стали с нею лучшими подружками. Я изливала ей свою душу, жаловалась на судьбу, а она внимательно слушала и подбадривала как могла, даже советы давала.

Что сказать, мы обе тосковали по нашему мужчине. Видимо мы все-таки к нему успели привязаться.

А через три дня вернулась тетя Сима. И в доме стало тесно и шумно. Тети Симы всегда было много! Я сразу же собрала свои вещи.

– Да не торопись, племяшка! – пробасила тетя Сима, – поедешь завтра!

– А сегодня чайку попьем, ты мне расскажешь, как ты тут жила-была? – она заговорщически подмигнула.

Я отказалась, сославшись на то, что у меня в городе накопилась масса дел.

– Ну куда ты на ночь глядя? – искренне возмутилась тетка. – Сбегаешь как будто тебя черти гонят!

– Может и гонят. – согласилась я.

Единственно с кем я захотела попрощаться так это с Аделькой.

– Ну прощай, животное! – я почесала ее между рогов.

Корова тяжело вздохнула.

– Ты все еще грустишь?

Корова покивала головой. – Я тоже грущу. Но знаешь, давай пожелаем ему счастья! И забудем об этом приключении. Давай?!

Почему-то, когда я это говорила из глаз, сами собой, потекли слезы. Адель фыркнула и облизала мои соленые щеки своим шершавым языком.

– Фу! – я попыталась отвернуться, – что это за телячьи нежности!

Попрощавшись с коровой, обняв тетку, я подхватила свою сумку и пошла на другой конец деревни, где в сараюшке, тоже одного нашего дальнего родственника, все это время стояла моя машина.

Глава 10

Я проснулась без десяти пять опять. Уже прошло много времени после моего эпохального отпуска, но я все равно продолжала вскакивать без десяти пять с устойчивым желанием подоить корову. Зарылась в подушку и натянула одеяло на голову. Когда же это кончится!

Я вспомнила, как в первый день после своего «отпуска» пришла на работу, предварительно закупив в соседнем супермаркете турецких сладостей, потому что для всех я отдыхала в Анталии. Не рассказывать же всем про то, что месяц ухаживала за коровами и свиньями. Засмеют!

Посмотрела на будильник, на циферблате светилось «4.56». Можно еще два часа спокойно спать, но я поняла, что больше не засну.

Встала и пошла на кухню. Сварила кофе и начала копаться в соцсетях. С заставки в смартфоне мне подмигивал Стас Орловский. По законам жанра я должна была удалить эту заставку. Но я оставила. А зачем ее менять? Он так и остался для меня недосягаемым идеалом мужественности как Давид Микеланджело или как Демон Врубеля.

***

– Здравствуйте, Анжелика! – администратор уже сидела за своей конторкой.

– Доброе утро, Прасковья Альбертовна! – вот зря она из-

менила прическу, с этими мелкими кудряшками стала еще больше похожа на мою овцу.

У меня, как всегда, была полная запись. Кариесы, пломбы, пульпиты и так целый день. Неожиданно в середине дня пациент позвонил и отменил прием. Наконец-то появилось окошко. Я ушла в комнату отдыха и налила себе чаю, девчонки что-то праздновали и на столе красовалась половина торта. Я отрезала себе кусочек и уютно пристроилась, вдыхая аромат свежего чая.

В комнату заглянула администратор, – Прасковья Альбертовна, у вас сейчас окно?

Я кивнула, отхлебывая чай.

– Возьмете с острой болью? – пришлось поставить чашку на место.

Вздохнула, – давайте. – посмотрела в зеркало, поправила шапочку, натянула на нос маску.

Прошла в свой кабинет, где ассистентка Зиночка готовилась к приему. – У нас с острой, пригласите пациента.

Зина скрылась за дверью, а я уселась на свой стул и потянулась к коробке с перчатками. В этот момент влетела Зина, – Прасковья Альбертовна, там этот! Ну вы сами увидите!

– Что? – взяла карточку, прочитала имя «Лакеев Г.П.», открыла карточку. Очень трудно, когда вот как приходит чужой пациент.

– Ну зовите этого Лакеева, где он там застрял?

Зина приоткрыла дверь, – Лакеев, заходите!

Боковым зрением заметила, что вошел крупный мужчина, держась за щеку. – Проходите садитесь.

Он уселся в кресло, не отнимая руки от щеки. Я повернулась к пациенту, беря зонд и зеркало.

– На что жалуетесь! – он наконец отнял руку, и я его узнала. В моем кресле сидел Григорий. Глаза, что блюдца, боится. Лакеев! И Зина перед ним и так повернется и так!

– Зиннаида, давайте формулу запишем! – прекрасно, удалила эту Зину от него подальше. Она устроилась за столом и приготовилась записывать.

– Лакеев, откройте рот. – видимо он что-то услышал, то ли голос мой узнал, то ли что… Но он начал внимательно всматриваться в меня, порывается что-то сказать.

– Молчите, Лакеев. Шестнадцатый – пломба, пятнадцатый – кариес, двадцать четвертый, двадцать третий – пломбы…

Он на мой бейдж смотрит, а там имя мое «Прасковья Альбертовна Фогель».

– Прасковья? – успевает он сказать, пока я пробую как работает пистолет воздух-вода, и направляю струю воздуха на его самый подозрительный зуб. Пациент подскакивает на месте со стоном. Стучу по зубу, – Так больно? – он кивает. Мне все уже стало ясно, поэтому я выключила лампу.

– Ну что, сейчас сделаем снимок и дальше выберем стратегию лечения. Зиннаида, проводите Лакеева на снимок. – Он встал, хотел что-то сказать, посмотрел на меня.

– Идите, идите! – отвернулась я чтобы сделать запись. Скоро меня позвали, посмотреть снимок. Ну как и ожидала – пульпит. Зиннаида распаковывает Григория, снимает с него защитный фартук. Хлопает ресницами, улыбается! Смотреть противно.

Он встает рядом, и я ему показываю на экране весь его пульпит, объясняю про кариозные полости и воспаление… А он не слушает. Вернее, слушает не то, что я говорю, а как. Видно, у него никак пазл не складывается. Ну и прекрасно!

– Ну что, Григорий, давайте лечиться? – он кивнул.

Ассистентка подает мне шприц с анестезией. Он весь сжимается. Ох уж эти мужчины – сильный пол. От вида иглы готовы в обморок упасть. А конкретно этот, так особо чувствительный, помню, как ему ссадины и синяки обрабатывала.

– Расслабьтесь! – говорю я. – Я постараюсь вас не обидеть.

Его глаза с расширенными зрачками недоверчиво смотрят на меня, на иглу. Еще бы пастушка Прасковья со шприцом это все равно что обезьяна с гранатой. Рот сжат плотно, а взгляд сфокусирован на острие иглы.

– А ты, то есть вы, точно врач? – выдавливает он из себя.

– Если хотите можете подождать и вас примет другой доктор, – спокойно говорю я. – Если я вас не устраиваю.

Он секунду размышляет и обреченно открывает рот. Пока делаю укол тихонько постанывает, – Все, все, миленький. Уже не колю. Вот и умница!

Зуб оказался сложным, раскрыла и депульпировала.

Несколько раз гоняла пациента на снимок, когда меня удовлетворил результат установила временную пломбу.

– Зубик может побаливать, но это нормально, а так записывайтесь через недельку, ко мне или к своему доктору.

Он хотел что-то спросить, но я его опередила, – Есть можно, пить тоже. Все, идите Лакеев, у меня следующий пациент, мне нужно приготовиться.

Он вышел, а я смотрела и смотрела на дверь, пока меня не вывела из задумчивости Зиннаида.

– Прасковья Альбертовна, Ивашова по записи, – я провела по глазам.

– Зовите! – работа пошла своим чередом.

После приема вышла, моя машинка дружелюбно подмигнула мне, и тут меня кто-то подхватил под руку.

– Пусти! – крикнула я вырываясь.

– Да успокойся ты, три часа тут сижу, жду тебя! – Григорий, собственной персоной.

– Наркоз отошел? – спросила я его.

– Фогель значит, Прасковья Альбертовна значит. – констатировал он, отпуская меня. – Мой врач в отпуске, а зуб, ну ты знаешь… Мне говорят к доктору Фогель пойдете? А мне хоть Фогель хоть Гогель, я на стену от боли лез. Но я и подумать не мог, что это… ты.

– Лакеев, значит Г.П. Григорий, очевидно, не Стас? – интересуюсь я.

– Я в, отличии от некоторых, своим настоящим именем

назвался! – заводится он.

– Так и я Прасковья по паспорту, тебе показать? – отвечаю я, повышая тон уже на полоктавы.

– Паша! У вас все в порядке, – наш ортодонт увидел, как мы с Орловским орем друг на друга.

– Спасибо, Алексей, у меня все в порядке. Просто знакомого встретила. – успокаиваю я обеспокоенного коллегу. – И он уже уходит.

– Ну смотри, Прасковья, если помощь нужна… – Алексей не успевает договорить, его перебивают.

– Спасибо, не нужна! – отвечает за меня Орловский.

Ортодонт пожимает плечами, садится в свой Шевроле и уезжает, оставляя меня один на один с мужчиной.

– Может уберемся отсюда, пока вся твоя клиника не выразит желание тебя спасти? – спрашивает он раздраженно.

– Здравая мысль! – открываю машину и сажусь за руль на соседнее кресло плюхается Григорий.

– Поехали! – командует он.

Я осторожно выруливаю на трассу, и мы молчим какое-то время.

– Кстати, поздравляю! – сказала я, не отрываясь от дороги.

Он смотрит на меня в упор и спрашивает, – С чем? – достает из кармана сигареты.

– У меня в машине не курят! – заявляю я поспешно, и затем добавляю. – Со свадьбой, конечно.

Он уже успел сунуть в рот сигарету, и даже щелкнуть зажигалкой. Но не прикурил, а наоборот, захлопнул крышку зажигалки, смял сигарету и заржал во всю глотку.

– Что такого смешного я сказала? – нервно спросила я не понимая.

– С Криской? Свадьба? – уточняет он сквозь приступы смеха.

Я бросаю на него взгляд, пытаясь оценить адекватность субъекта.

– На дорогу смотри! – говорит он мне, отсмеявшись.

Я так не могу, эмоции перехлестывают, и я в первом подходящем месте останавливаюсь у обочины.

– Лакеев, покинь мою машину! – кричу я.

– Истеричка! – кричит он в ответ, – Криска моя невеста по сценарию. Понимаешь? Кино мы снимали!

Ударила руками по рулю, – Какая я дура!

– Дура! – согласился со мною Григорий.

– Не смей меня называть дурой! – я подняла голову, – Только я могу себя так называть, понял!

Он поднял руки в верх, говоря, что принимает условия игры.

– А я же искал тебя! – сказал он погодя, когда, успокоившись, я опять вырулила на трассу.

– То есть? – не поняла я.

– Приехал в эти твои Тетеревни, а дом заколочен и никого там нет. Зашел к соседям, спрашиваю где? А она, дочка

соседки, Козыриха кажется…

– Если дочка, то Козыревна, – поправила я.

– Что, прости? – переспросил Стас.

– Я говорю, если дочка – то Козыревна. Козыриха это ее мамаша. Так и что? Не отвлекайся.

– Так вот, спрашиваю у этой Козыревны, где ваша соседка? А она мне и отвечает – замуж вышла и переехала. Вот так. Я так и подумал, что ты и этот Виталик…

Я фыркнула, – Я с Козыренком…

– Слушай, я уже запутался в твоих Козырятах! – с раздражением оборвал он меня

– Ты себе не представляешь, как мне стало плохо где-то здесь. – Григорий рукой очертил окружность в районе сердца. – Не помню, как уехал оттуда. И вот еду, вдруг смотрю на поле среди стада белое пятно – Адель. Остановился вышел. Она меня узнала и через все поле ко мне бежит, а за нею пастух хромает. Спрашиваю у пастуха, – Хозяйка этой коровы где? А он мне и отвечает, что его это корова. Он Адель недавно купил, потому как старая хозяйка ее с мужем уехала куда-то. А куда он не знает.

– А ты знаешь, что Адель по тебе тосковала. – проговорила я.

– Только Адель?

Да, я поняла, что не могу вести машину дальше. Руки начинали подрагивать, и на дорогу я смотрю сквозь набирающиеся слезы. Поэтому не стала отвечать на его вопрос. Смах-

нула слезу и попыталась сосредоточиться на дороге. А куда мы, собственно, едем? Я пригляделась. Оказывается, я уже почти доехала до дома. Пока не встала на парковку около своего подъезда молчала.

– Нет, Григорий, мне тоже было очень плохо. – наконец созналась я, и взглянула на него.

– Так это же прекрасно! – Григорий притянул меня к себе.

***

После, уже когда я почти засыпала на мужском плече, он спросил, – А когда ты поняла, что я это Стас Орловский?

Я улыбнулась и потянулась за своим сматрфоном, включила и протянула Григорию.

– Опа!

– Откуда у тебя эта фотография? – спросил он. – Это же очень давно было.

– Да лет пять назад поставила. – мурлыкнула я.

Он подозрительно на меня посмотрел, – Ты что из этих?

Теперь я подняла брови, не понимая.

– Из фанаток? – пояснил он.

– Да нет, ты для меня всегда был недосягаемым идеалом и самым красивым мужчиной отечественного кинематографа. – я провела пальцем по экрану.

– После того как ты ушел у меня была мысль поменять заставку, но потом решила этого не делать?

– Почему? – спросил он.

Вздохнула, – Ты же так и остался недосягаемым идеалом,

ну и самым самым в отечественном кинематографе…

– А теперь?

– Теперь ты его удалишь? – спросил он. – А то я уже начинаю ревновать.

Я взяла смартфон, – Улыбайся! – мигнула вспышка.

– Теперь ты будешь ревновать к нему. – и я заменила старую заставку на новую фотографию.